

К семантике образа и жизнеописания Чичикова¹

Истоки сюжета «Мертвых душ» лежат в русской жизни. Об этом писали многие авторы. Обращаясь к ранее установленным фактам, мы бы хотели акцентировать некоторые существенные смыслы, оказавшиеся либо на периферии внимания исследователей, либо вне его, а также попытаться систематизировать данные факты и смыслы в русле означенной темы.

Во-первых, ближайшие реальные прототипы Чичикова – это те самые скупщики мертвых душ, аферы которых обсуждали А.С. Пушкин и Н.В. Гоголь и о которых (скупщиках и аферах) мы, к сожалению, все-таки мало знаем в деталях¹. Во-вторых, одним из исторических прототипов гоголевского героя является Петр Великий². Именно он невольно стал *первым «автором»* и одновременно *центральной персонажем* сюжета о «мертвых душах». Указы царя от 26 ноября 1718 г. и Сената от 22 января 1719 г. были призваны, говоря языком современным, реформировать налоговую систему – заменить неэффективное «подворное» обложение «подушным». Сочетание казенной бумаги, мертвой буквы с реальной жизнью может привести к самым неожиданным результатам. А потому в работе бюрократической машины никогда не обходится без сбоев – всевозможных казусов, недоразумений и анекдотов. На этот раз все оказалось запрограммировано: упомянутыми указами в национальную почву было всеяно зерно, таившее в себе «анекдот» – *сюжет, который должен был развернуться по строго определенным правилам.*

Незадолго до того, как Гоголь приступил к написанию поэмы, в 1833 году, вышел манифест о проведении восьмой по счету ревизии³. Считать можно по-разному. Если от начальных дат, то минимальный промежуток

¹ Исследование выполнено в рамках интеграционного проекта СО РАН «Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы в системе контекстуальных и интертекстуальных связей».

между переписями 1719–1833 гг. составил 4 года (6 и 7-я переписи – 1811, 1815 гг.), максимальный – 24 (1 и 2-я – 1719, 1743 гг.), средний же – около 16 лет. За это время, используя гоголевское выражение, «достаточное число» душ успевало переселиться в мир иной. Затея с исчислением душ «от старого до самого последнего младенца», взиманием денег (налогов) с покойников (!), живых на бумаге до очередной переписи, и породила сюжет со странными, *мистическими* смыслами. *Во второй раз* – вслед за Петром I – уже в письменном варианте он воплотился в сочинениях «раскольников», старообрядцев. В них растолковывался смысл, содержались оценка петровского учреждения, взгляд на царя-реформатора со стороны. Обратимся к одному такому, весьма красноречивому произведению, которое, если я не ошибаюсь, не привлекалось исследователями гоголевского творчества. «Той же *лжехристос* [Петр I] содела *от гордости живущаго в нем духа*, учени описание народное, исчисляя вся мужеска пола и женска⁴, старых и младенцов, живых и *мертвых*, *возвышаяся над ними взыскуя всех, дабы ни един мог скрытися от руки его*, и облагая их даньми велиими, не точию на живых, но и на *мертвых*. *Таково тиранство учини и с мертвых дани востребова, сего и в древния времена бывшия мучители не творили*». По словам автора, перепись населения – предсказанное в Священном Писании «уловление душ» антихристом, Петром Великим. Он «*богоненавистною ревизию учредил... хотящее всех поглотити, живых и мертвых данею обложил*»⁵ (курсив здесь и далее наш. – В.В.).

Как видим, автор данного сюжета о «мертвых душах» более всего поражен тем, что перепись и «дань» распространились именно на мертвых. Мистика ситуации заключается в том, что души мертвы, а Петр I получает с них капитал. Буквально то же самое попытался проделать и г. Чичиков! Сюжет читается и дальше: душа принадлежит Богу (тем более душа, покинувшая мир) и, если появляется *некто*, заявляющий право на обладание ею, для него определено только одно место по отношению к Всевышнему – «анти», «лже»: «против», «вместо». С точки зрения старообрядцев, Петр I

деянием открыл свою природу, выдал себя как лжехриста = Антихриста. Взгляд на русскую жизнь и ее оценки у старообрядцев – *обостренно православные*. Никакой иной позиции, кроме религиозной, христианской, относительно мира и поступков человека они не знают.

В третий раз вариации интересующего нас сюжета реализовались в аферах скупщиков «мертвых душ». Скорее всего, ориентируясь первоначально на них, Пушкин и Гоголь тоже попадают в орбиту этого сюжета. Оставляя в стороне вопрос с Пушкиным, мы должны ожидать, что и в восприятии Гоголя Чичиков (сюжетный заместитель Петра Великого и аферистов) выступит как «нечистый», противник Бога. Подтверждается ли это текстом поэмы? В гоголеведении на этот вопрос существует положительный ответ (таково мнение Д.С. Мережковского, В.В. Набокова и др.⁶), иногда с опорой на текст поэмы, иногда без. Но все-таки текст в таких случаях – конечная и абсолютная инстанция.

Присмотримся, в частности, еще раз к тому, как одет Павел Иванович Чичиков. В первой главе, как и обитатели города NN, мы только-только знакомимся с героем. Оказавшись в провинциальном городе, приезжий очень удачно свел знакомства с чиновниками и собирается на вечеринку к губернатору. Потратив «с лишком два часа времени» на приготовление к ней, наш герой «очутился во фраке *брусничного цвета с искрой*» (VI, 13). А вот он (глава вторая) собрался ехать к Манилову, с которым познакомился на той самой вечеринке. После воскресных гигиенических процедур он надевает уже знакомый нам «фрак *брусничного цвета с искрой*» (VI, 21). В седьмой главе «новый херсонский помещик», отпраздновав с чиновниками свои приобретения, добрался до гостиницы. Петрушка раздевает его и выносит «на коридор панталоны и фрак *брусничного цвета с искрой*» (VI, 152).

В одиннадцатой главе автор излагает биографию героя, посвятившего себя устройению карьеры и приобретательству. После сурового «воздержания» и «долговременного поста» Чичиков наконец получил возможность потратиться на себя. В том числе «уже сукна купил он себе

такого, какого не носила вся губерния (! – В.В), и с этих пор стал держаться более коричневых и красноватых цветов с искрою» (VI, 232). Заметим, что это первое облачение Павла Ивановича в подходящий его природе костюм, по которому он выделен автором среди всех губернских чиновников и помещиков. Ср.: на весьма похожем «на средней величины медведя» Собакевиче фрак «для довершения сходства <...> был совершенно медвежьего цвета» (VI, 94). Чиновники в сцене на балу у губернатора одеты в черные фраки (см.: VI, 14).

Те же мотивы звучат и в сохранившихся главах второго тома. В «Заключительной главе» мы видим Чичикова в городе Тьфуславле на ярмарке «собственно дворянской» (VII, 97) «с красными товарами для господ просвещения высшего» (VII, 234). Он заходит в лавку выбрать сукно, просит «цветов темных, оливковых или бутылочных с искрой, приближающихся, так сказать, к бруснике» (VII, 235). Герой придирчив, а вместе с ним и автор, который хочет подобрать ему нечто совершенно определенное. «...Все не то, сказал Чичиков. “Ведь я служил на таможне, так мне высшего сорта, какое есть, и притом больше искрасна, не к бутылке, но к бруснике, чтобы приближалось” (VII, 99). Ср.: «цвету больше того... больше искрасно, больше чтобы искры было» (VII, 235)). “Понимаю-с: вы истинно желаете такого цвета, какой нонче в Пе<тербурге> <в моду> входит”, – отвечает лавочник. И подает «штуку», на которой и сходится с привередливым покупателем: «Отличный цвет! Сукно наваринского дыму с пламенем» (VII, 99) и т.д., и т.п.

Гоголь навязчив, даже чрезмерно. Он усиленно хочет донести до читателя какую-то мысль. И эта мысль очевидна. «Фрак брусничного цвета с искрой», цвету «наваринского дыму с пламенем»⁷ – образ вполне говорящий⁸. Поэма описывает пространство ада, путеводитель по его кругам универсально «средний» и «пошлый», неопределенный герой появляется перед читателями в облачении, очень определенном, – *одежде, сотканной*

из искр, пламени и дыма!.. Костюм Чичикова больше чем костюм⁹, это выражение его сущности, единоприродной пространству ада!

Во втором томе Чичиков, заключенный за решетку, кается перед Муразовым: *«Сатана проклятый обольстил <...> искусил шельма <...> изверг рода человеческого», «Демон-искуситель сбил, совлек с пути, сатана, черт, исчадье».* Он рвет на себе *«фрак наваринского пламени с дымом»*, клянется, что *«повел бы отныне совсем другую жизнь»* (VII, 111, 112). В нем даже полупробудились *«силы души <...> Казалось природа его темным чутьем стала слышать, что есть какой-то долг, который нужно исполнять человеку на земле»* (VII, 115) и пр. Но все кончилось тем, что, изгнанный из города, он вновь купил *«четыре аршина на фрак и на штаны»* сукна *«наваринского пламени с дымом»*. Фрак оказался *«хорош, точь-в-точь как прежний»* (VII, 123). Природа героя осталась неизменной, а возрождение невозможным. Не случайно далее следует пассаж о *«развалине прежнего Чичикова»*. Схема *«разобрана»*, чтобы строить *«...новое (читай – воскресение героя – В.В.), а новое не начиналось, потому что не пришел от архитектора (читай – свыше – В.В.) определительный план»* (VII, 124), потому работник, Гоголь, остался в недоумении...

Замечательны, например, и обстоятельства, объясняющие, почему и как у Павла Ивановича оказались *«излишества»*, в какой период жизни он впервые заказывает себе одеяние *«нечистого»*. Начинаящий чиновничью карьеру Чичиков добился *«хлебного местечка»* за счет *«известных рекомендательных писем за подписью князя Хованского»*, что и улучшило его материальное положение (см.: VI, 230-231). *«Скоро представилось Чичикову поле гораздо пространнее: образовалась комиссия для построения какого-то казенного весьма капитального строения. В эту комиссию пристроился и он, и оказался одним из деятельнейших членов. Комиссия немедленно приступила к делу. Шесть лет возилась около здания; но климат, что ли, мешал или материал уже был такой, только никак не шло казенное здание выше фундамента. А между тем в других концах города очутилось у*

каждого из членов по красивому дому гражданской архитектуры: видно грунт земли был там получше. Члены уже начали благоденствовать» (VI, 231-232). Именно после этой аферы Чичиков смягчил свой долговременный «пост», в том числе впервые обзавелся фракком, раскрывающим суть его натуры и деятельности.

Для читателя гоголевский текст не очень ясен, – что это за «казенное весьма капитальное строение»? В одной из ранних редакций поэмы автор выразился несколько определеннее, речь шла о «комиссии постройки храма Божия» (VI, 561). Как известно, Гоголь отталкивался в данном эпизоде от скандальной истории с неудачным строительством храма Христа-Спасителя по первоначальному проекту А.Л. Витберга. Грандиозное сооружение предполагалось возвести на Воробьевых горах – от набережной вверх по склону. Воплощение проекта сопровождалось строительными неурядицами, в частности неисследованный заблаговременно грунт оказался непригодным для строительства, пывучим (автор не случайно иронизирует по поводу «лучшего грунта»). А главное было в том, что члены комиссии погрязли в махинациях, попали под суд, их имущество было конфисковано. Отношение Гоголя к этой широко известной истории характеризует и то, что он решительно отказался ходатайствовать о назначении пенсии знакомой его матери, вдове одного из членов комиссии, М.В. Клименко (см.: X, 104, 431).

Совершенно понятно, почему автор «пристроил» в комиссию по строительству Чичикова. Храм возводился в память о победе над Наполеоном и должен был стать символом подвига русских воинов, воплотившим искупительную жертву Христа. Павел Иванович пытается строить дом, свой комфорт на украденные пожертвования (на постройку храма деньги собирались «всем миром»), на уничтожении памяти о национальном подвиге, на попрании святой крови защитников Отечества.

Стоит обратить внимание и на типичное поведение Чичикова-карьериста. Человек, выстраивающий карьеру, может быть движим амбициями, желанием реализоваться, за которыми стоят подлинные

способности и таланты. Как всегда не то у Чичикова. По окончании училища он попал на ничтожное место, дававшее ему «тридцать или сорок рублей в год». Ему же «мерещилась впереди жизнь во всех довольствах, со всякими достатками; экипажи, дом, отлично устроенный, вкусные обеды» (VI, 228). Желая «все победить и преодолеть» на пути к мечте, он принялся «угождать начальнику», престарелому повытчику. Ничто не приносило успеха, пока Павел Иванович не «узнал, что у него была зрелая дочь». «Приступ» с этой стороны пошатнул нечувствительного начальника. Чичиков переехал к нему в дом, «с дочерью обращался, как с невестой, повытчика звал папенькой <...> все положили в палате, что в конце февраля, перед великим постом, будет свадьба» (VI, 230). Благодаря хлопотам «папеньки» Чичиков сам получил место повытчика, тут же съехал с его квартиры и забыл про свою «невесту».

Ф.М. Достоевский, желая объяснить внутреннюю природу героя, может сделать это вполне ясно и недвусмысленно, например, используя цитату из Священного Писания. Федор Павлович Карамазов в эпизоде скандала в монастыре говорит: «А лгал я, лгал, решительно всю жизнь мою, на всяк день и час. Воистину ложь есмь и отец лжи! Впрочем, кажется, не отец лжи, это я всё в текстах сбиваюсь, ну хоть сын лжи, и того будет довольно»¹⁰. Данная самохарактеристика, включающая слова Христа о дьяволе: «лжец и отец лжи» [Ио. 8, 44], абсолютно точно определяет духовную природу главы семейства Карамазовых. Гоголь открывает и описывает в Чичикове аналогичную природу, но понять это сложнее, потому что столь семантически прозрачными, маркирующими приемами при построении образа он не пользуется. И все-таки не так уж сложно увидеть, что в своем повседневном – и бытовом, и деловом – поведении Чичиков не делает ничего, кроме как лжет, лжет и на каждом шагу лжет. Эта мысль ясно выражена в словах князя, выговаривающего ему за подделку завещания: «... в вас мерзостей в несколько раз больше того, что может <выдумать> последний лжец. Вы во всю жизнь, я думаю, не делали небесчестного дела.

Всякая копейка, добытая вами, добыта бесчестней<шим образом>, есть воровство...» (VII, 107, выделено мной – В.В.).

Герой постоянно выступает нарушителем христианских норм поведения. Почему-то чиновники решили, что свадьба Чичикова будет *«в конце февраля перед великим постом»*. В это время церковь не венчает, потому что пост предписывает и телесное воздержание. Предположением чиновников дискредитирован и Чичиков, и они сами. И когда старый понытчик произносит: *«Надул, надул, чертов сын!»*, то последние слова следует понимать, как и в случае с Федором Павловичем Карамазовым, – буквально: если в герое Достоевского *«дух нечистый <...> заключается»*¹¹, если он *«бесов сын»*¹², то и здесь перед нами нечистый – *«чертов сын»*. Показательно и невероятное рвение Чичикова в исполнении своих обязанностей на таможне, за которым игра в честного чиновника-таможенника. Потому есть особая правота во мнении начальства, которое *«изъяснилось, что это был чорт, а не человек»* (VI, 235). Потому, действительно, комична сцена, в которой Чичиков сулит Коробочке черта, а она пугается от этого и еще от того, что *«третьего дня всю ночь»* снился ей окаянный. Не того бы черта бояться, что с рогами *«длиннее бычачьих»*, а того, кто стоит перед ней, – уж в прямом смысле *«Бог наслал»* (см.: VI, 54). В данном контексте теряют метафорический смысл и слова генерала Бетрищева, оценивающие *«коммерческую»* деятельность Чичикова по скупке мертвых душ: *«Тебя сам чорт угораздил на такую штуку»* (VII, 170), и цитированные оправдания Чичикова перед Муразовым (*сатана искусил*), и его же, брошенное вскользь и звучащее как оговорка: *«мертвые души -- дело не от мира сего»* (VI, 53). Пребывание и деятельность Чичикова в *«сборном городе»* NN (символизирующем Россию) в качестве доминирующей фигуры и универсального двойника героев-помещиков и чиновников обнаруживают в его пространстве мистическое измерение *«не от мира сего»*.

Не случайно и приобретенные души Павел Иванович собирает заложить не куда-либо, а в опекунский совет. Опекунские советы,

находившиеся в обеих столицах, ведали опекой над сиротами (подкидышами, незаконнорожденными и пр.) – теми, к кому всегда на Руси было особое отношение. Существовали советы в значительной степени за счет благотворительных поступлений. Тогда у кого и какие деньги решился украсть Чичиков? – подаяние тем, кого на Руси называли людьми Божьими, милостыню, – мистическую жертву Всевышнему¹³. Впрочем, у него есть опыт воровства у Христа-Спасителя. И на этот раз герой встал в ту же, привычную для него позицию по отношению к Христу – против.

Жизнеописание героя Гоголь излагает с момента рождения. И здесь мы наталкиваемся на очень интересный пассаж. *«Темно и скромно происхождение нашего героя. Родители были дворяне. <...> Лицом он на них не походил <...>. Он родился просто, как говорит пословица: ни в мать, ни в отца, а в проезжего молодца»* (VI, 224). Не стоит полагать, что Гоголь не вложил в эти строки тайного значения. Христос рождается непорочно, от Пречистой Девы. Его противник, «человек греха, сын погибели» [2 Фесс. 2, 3], Антихрист во всех вариантах его жизнеописания рождается от блудницы, он незаконнорожденный¹⁴. Изначально, от рождения автор сопрягает своего героя с миром зла и тьмы (а потому – «темно» происхождение)¹⁵. Пословица, объясняющая появление Павлуши Чичикова на свет, представляет его мать блудницей, а отец, даже и не предположительно, а по конечной логике совершенно точно, отцом ему не приходится. Гоголь не сделал мать героя персонажем поэмы и никак не объяснил это читателю. В качестве действующих семейных героев выступают только «отец» и «сын». Ничего удивительного, что в их отношениях нет и тени живого чувства.

Уподобление героя противнику Бога звучит в проекции Чичиков – Наполеон – Антихрист (см.: VI, 205, 206) и пассаже из второго тома о раскольниках¹⁶: «Кто-то пропустил между ними, что народился антихрист, который и мертвым не дает покоя, скупая какие<-то> мертвые души» (VII, 118).

Таким образом, Гоголь синтезировал все предыдущие «сюжеты» русской культуры о «мертвых душах»: петровский, старообрядческий и связанный с аферистами. Мы считаем, что его позиция в оценке русской жизни объективно более всего смыкается с радикальной старообрядческой, крестьянской. Тайна образа Чичикова заключается, по нашему убеждению, в том, что в нем автором явлен нечистый, противник Бога, Антихрист. В рациональном истолковании это тип преступника, неудачника (!), плута в маске ратора, воплощенной фикции – ложности и пустоты деятельности и целей, тип «мертвого» человека, который и не догадывается, что он мертв, и не способен к возрождению.

¹ См., например: (VI, 900, 901); *Карпенко А.И.* У истоков гоголевской поэмы «Мертвые души» // Вопросы русской литературы. Вып. 1 (45). Львов, 1985. С. 36-44.

² См. о проблематике: *Виноградов И.А.* Гоголь – художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания. М., 2000. С. 330.

³ При жизни Гоголя была проведена еще одна перепись, девятая – в 1850 г.

⁴ Ситуация усугублялась еще и тем, что Петр I указал переписать и обложить раскольников двойным налогом, причем подать платили не только «души» мужского пола, но и женского (наполовину меньше).

⁵ Сочинение автора-бегуна первой половины XIX в. «Отвещание христиан, егда вопросы ми быша пред Синадом» (ИРЛИ, собр. Смирнова, № 17, Л. 187 об.). Цит. по кн.: *Гурьянова Н.С.* Крестьянский антимоноархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. Новосибирск, 1988. С. 42. (Н.Я. Аристов писал о том, что сочинение «Об антихристе, еже есть Петр I» в среде раскольников появилось во второй половине 18 века. (См.: *Аристов Н.Я.* Сочинения Н.В. Гоголя со стороны отечественной науки. СПб, 1887. С. 26.)

⁶ В частности, в аспекте Чичиков – Антихрист герой рассмотрен в работах: *Гольденберг А.Х., Гончаров С.А.* Легендарно-мифологическая традиция в «Мертвых душах» // Русская литература и культура нового времени. СПб., 1994. С. 40-48; *Гончаров С.А.* Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. СПб, 1997. С. 208-219.

⁷ Представляется, что это все-таки не то, о чем пишет М. Вайскопф. «Чичиковские фракы “брусничного” цвета уже примелькались в тогдашней литературе – это “бутылочные” тона, “цвета семги” и т.п.» (*Вайскопф М.* Сюжет Гоголя. Морфология. Идеология. Контекст. М., 1993. С. 369).

⁸ Напомню характерное признание Гоголя: «Это полное воплощение в плоть, это полное округление характера совершалось у меня только тогда, когда я заберу в уме своем весь этот прозаический существенный дрязг жизни, когда, держа в голове все крупные черты характера, *соберу в то же время вокруг его всё тряпье до малейшей булавки, которое кружится ежедневно вокруг человека*, словом – когда соображу всё от мала до велика, ничего не пропустивши» (VIII, 453).

⁹ См. одну из последних статей, посвященных костюму Чичикова (в ней рассмотрены и работы предшественников): *Курсанова Р.М.* Превращения фрака «наваринского дыму с пламенем» // Гоголь: Материалы и исследования. М., 1995. С. 230-238. Автор предполагает, что в данном случае «гоголевский цвет» – «средство психологической характеристики персонажа» (с. 235) и справедливо ассоциирует его с цветообозначениями преисподней.

¹⁰ *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: В 15 т. Л., 1991. Т. 9. С. 51.

¹¹ Там же. С. 47.

¹² Там же. С. 114.

¹³ «Когда встречались две древнерусские руки, одна с просьбой Христа ради, другая с подаяньем во имя Христово, трудно было сказать, которая из них больше подавала милостыни другой: нужда одной и помощь другой сливались во взаимодействии братской любви обеих. <...> Нищий был для благотворителя лучший богомолец, молитвенный ходатай, душевный благодетель. “В рай входят святой милостыней, – говорили в старину: – нищий богатым питается, а богатый нищего молитвой спасается”» (*Ключевский В.О.* Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1991. С. 109.) Картина, написанная историком, красочно иллюстрирует рассматриваемую традицию. Только в гоголевской ситуации в ней не хватает еще одной руки – Чичикова.

¹⁴ Жизнеописание Чичикова как сюжет встраивается в ряд аналогичных жизнеописаний в русской литературе. Архетипом для всех них является сюжет об Антихристе. (Подробнее см.: *Васильев В.К.* Сюжетная типология русской литературы XI–XX веков (Архетипы русской культуры): учеб. пособие. Ч. I. Красноярск, 2006.)

¹⁵ Мы бы хотели специально оговорить то обстоятельство, что речь идет о бинарных оппозициях внутри культурных текстов, об образцах, на которые авторы ориентируют своих литературных героев, в частности Гоголь – Чичикова. В реальной жизни независимо ни от чего человек всегда обладает свободой выбора между добром и злом (Богом и дьяволом, Христом и антихристом).

¹⁶ В одном из писем к А.О. Смирновой Гоголь просит известить его «о раскольниках, какие находятся в Калужской губернии», «в чем состоит их раскол <...> Каковы они в жизни, в работе, в трудах <...> сравнительно с православными» (XIII, 42, 43). Принято видеть странность в такого рода просьбах Гоголя. Нам ничего странного в них не видится. Не раз показано,

что из, казалось бы, незначительных известных фактов или строк устных народных произведений он мог выстроить целый эпизод, вывести точную оценку, а то и целую философию. Собственно, так родились и «Мертвые души».